

примеров интерпретации художественных работ Бенжамина Барду и Марко Мендени, которые могут рассматриваться как своего рода апробация методологического инструментария, выработанного автором работы. Еще одним значимым моментом можно считать вопрос о статусе субъекта применительно к машиниме как самостоятельной эстетической форме. С точки зрения автора, «принципиальный для традиционных сфер искусства статус субъекта применительно к произведениям в жанре Машинимы трудноопределим» (с. 59). На наш взгляд, вопрос о субъекте в игровых средах представляется одним из наиболее острых и перспективных.

Мы полагаем, что ряд вопросов позволил бы углубить представление автора в случае дальнейшей разработки темы машинимы:

1. Как машинима меняет наше представление о перформативности и есть ли связи между перформансом как таковым и перформативностью кода в современном искусстве?
2. Можно ли углубить представление о субъектной организации в машиниме за счет введения в исследование концепции виртуального актера? Как машинима трансформирует концепт сцены?
3. Чем обоснован выбор анализируемых примеров? Нам представляется, что весьма удачным было бы введение в работу интерпретации машиним Харуна Фароки, где тема «выворачивания медиума» дана непосредственно.

ВКР Я.А. Исмуковой написана хорошим, доступным читателю языком, отличается ясностью и точностью формулировок. В работе ощущается сильная исследовательская позиция, глубокое понимание автора многомерности проблемы, которую он ставит, чувствуется интеллектуальное бесстрашие. Несомненно, данная работа заслуживает высокой положительной оценки.

Самостиенко Е.В.

кандидат филологических наук,
ассистент кафедры русской литературы
Института филологии и журналистики
Е.В. Самостиенко

1.06.2017 г.